

А.Ю. БОРИСОВ

ПОД КОДОВЫМ НАЗВАНИЕМ “ТЕРМИНАЛ”. К 70-летию БЕРЛИНСКОЙ (ПОТСДАМСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ

В дипломатической истории Второй мировой войны Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, состоявшаяся 17 июля – 2 августа 1945 г., занимает особое место. Если предшествующие ей межсоюзнические встречи “большой тройки” в Тегеране и Ялте проходили во время войны с Германией и потому на них много внимания уделялось путям приближения победы над общим врагом, то конференция в Потсдаме, получившая кодовое название “Терминал”, была встречей победителей над нацистской Германией и ее союзниками. Лидеры антигитлеровской коалиции – И.В. Сталин, Г. Трумэн, У. Черчилль и сменивший британского премьер-министра в ходе конференции К. Эттли собрались вместе в столице поверженного Третьего рейха, чтобы заложить основы послевоенного мира.

Большой интерес к последней встрече союзников по антигитлеровской коалиции в годы войны вполне понятен. В мировой истории крупные дипломатические события, связанные с подведением итогов больших войн и с послевоенным урегулированием, будь то Венский конгресс или Версальская конференция, всегда пользовались повышенным вниманием исследователей. Тем более что речь шла об окончании самой кровопролитной войны в истории человечества, конец которой к тому же ознаменовался началом ядерного века. Не случайно президент США Трумэн позднее назвал встречу в Потсдаме “конференцией под сенью атомной бомбы”.

Едва ли кто тогда в летние дни 1945 г. в обстановке победной эйфории предвидел, что разногласия между союзниками, хотя и закономерно усилившиеся к концу войны, когда пришла пора делить плоды общей победы, приведут к расколу и разведут их по разные стороны баррикад.

В этой связи интересно свидетельство И. Берлина, в то время президента одного из американских колледжей, получившего в августе 1945 г. назначение на работу в посольство США в Москве. Человек политически не ангажированный, он выражал доминировавшие тогда в обществе настроения: “Война была закончена, Потсдамская конференция не привела к открытому разрыву между победоносными союзниками. Несмотря на мрачные прогнозы в некоторых кругах на Западе, общее настроение в официальном Вашингтоне и Лондоне было осторожно оптимистическим; среди широкой общественности и в печати оно было еще более преисполненным надежд и энтузиазма. Исключительное мужество и тяжелейшие жертвы советских людей в войне против Гитлера породили мощную волну симпатий к их стране, которая во второй половине 1945 г. заглушила голоса многих критиков советской системы и ее методов; на всех уровнях существовало широкое и горячее стремление к сотрудничеству и взаимопониманию”¹.

Борисов Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса.

¹ *Berlin I. Personal Impressions. New York, 1981, p. 155–156.*

Когда же вопреки доминировавшим общественным настроениям сотрудничество между вчерашними союзниками сменилось открытой враждой между ними, это вызвало политическую потребность на Западе скорректировать взгляд на Потсдамскую конференцию, как, впрочем, и на историю антигитлеровской коалиции в целом. В этой связи союз СССР, США и Великобритании стал изображаться как “противоестественный”, “аномальный” и “случайный”, а сама Потсдамская конференция чуть ли не как форум, возвестивший начало “холодной войны” в результате поворота СССР к внешней экспансии. Как пишет Т. Джэд, “в Ялте а затем в Потсдаме Сталин проявил настойчивость, добиваясь того, что эти территории между Россией и Германией должны были быть если и не полностью поглощены Советским Союзом, то оказаться под управлением дружественных режимов, свободных от фашистских и реакционных элементов”².

В действительности всё было куда сложнее и уж, во всяком случае, не по ковбойской формуле “плохие парни против хороших парней” или в духе библейской заповеди борьбы “сил зла” против “сил добра”. В действительности имело место столкновение двух геополитических мегапроектов послевоенного переустройства мира и его социальной реорганизации между главными победителями во Второй мировой войне, окрашенных в идеологические тона, которым в Потсдаме в продолжение линии Ялты удалось найти приемлемый и как, к сожалению, оказалось временный компромисс.

Выбор места встречи в столице поверженного Третьего рейха был очевиден. Один из тостов, предложенных по окончании переговоров Сталина, Рузвельта и Черчилля в Крыму был за следующую встречу союзников в Берлине. Правда, в узком кругу Трумэн рассуждал о том, что, мол, настал черед Сталина приехать в Соединенные Штаты. “Президент сказал, – говорилось на одном из совещаний в Белом доме, – что ему не нравился выбор места встречи в Германии, так как он считал, что на этот раз Сталин должен был прибыть к нам, и он имел в виду в качестве возможного места встречи Аляску”³. Однако каких-либо практических последствий эти идеи не имели и не стали предметом сколь-нибудь серьезных обсуждений между союзниками.

Поскольку Берлин был сильно разрушен в ходе боевых действий, то выбор, скорее всего, по техническим соображениям пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам, где хорошо сохранился оставленный семьей наследного принца Вильгельма дворец Цецилиенхоф. Но выбор Потсдама, понимали это или нет участники переговоров, имел и глубоко символическое значение. Война вернулась туда, откуда она пришла. Именно в самом центре Потсдама, перед гарнизонной церковью – усыпальнице прусских королей Фридриха Вильгельма I и Фридриха II 21 марта 1933 г. престарелый фельдмаршал и рейхспрезидент П. фон Гинденбург преодолел себя под давлением сына-нациста и скрепил рукопожатием назначение “богемского ефрейтора” Адольфа Гитлера канцлером Германии, после чего Германия начала путь к катастрофе. В Потсдаме трагический круг истории замкнулся.

Сложнее оказалось определиться с временем проведения конференции. Каждая сторона имела свои предпочтения, а порой и скрытые мотивы. Пожалуй, меньше всего этим руководствовались в Кремле, где стремились к согласованному решению, устраивающему все стороны. Единственный мотив, который при этом приходилось учитывать, был Парад Победы, намеченный на 24 июня и определявший рабочий график советского вождя. С подготовкой конференции до этой даты стороны явно не укладывались. Поэтому в остальном советская сторона отдала инициативу в этом вопросе Лондону и Вашингтону и терпеливо ждала предложений с их стороны. Если бы Сталин знал, что волновало одного из его партнеров, то, вполне возможно, он захотел бы и поторопить события.

А вот между западными союзниками возникли серьезные разногласия, которые отражали различные подходы Трумэна и Черчилля к предстоящим переговорам с русски-

---

² *Judt T. Postwar. A History of Europe since 1945. London, 2007, p. 118.*

³ *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945, v. 1. Washington, 1960, p. 13 (далее: FRUS. The Berlin Conference...).*

ми. Первым вопрос о скорейшем проведении трехсторонней встречи в верхах поставил 6 мая, еще до официальной капитуляции Германии, Черчилль в своей переписке с новым американским президентом. Он хотел, обозначив проблему, побыстрее склонить на свою сторону пока еще неопытного в вопросах большой политики президента США. Черчилль считал необходимым, как подчеркивалось в его послании Трумэну, “как можно скорее провести встречу трех глав правительств”⁴. Его логика была цинична и проста. Конференцию следовало провести как можно быстрее, пока еще англо-американские войска занимали в Европе выигранные позиции в нарушение соглашения об оккупационных зонах.

С окончанием войны Черчилль всё больше осознавал свое бессилие в отношениях с главными союзниками – русскими и американцами, не говоря уже о его весьма скромных возможностях определять ход событий. В вышедшей недавно работе Б. Стейла о Бреттон-Вудской конференции подробно рассказывается о том, как Соединенные Штаты приступили к реализации собственных планов послевоенного переустройства мира в ущерб Великобритании и ее системе имперских преференций. В отеле в горах штата Нью-Гэмпшир, где проходила конференция, собрались представители 44 государств, но сценарий от начала до конца был написан под диктовку Соединенными Штатами, обладавшими двумя третями мирового золотого запаса.

Возглавлявший английскую делегацию знаменитый экономист Дж.М. Кейнс, родившийся в викторианской Англии и успешно отстаивавший интересы своей страны еще на Версальской конференции, не мог понять, что времена изменились. Он упорно доказывал руководителям МИД, что нельзя позволять американцам использовать войну “как возможность выколотить глаза Британской империи” и жаловался на то, что Форин оффис был слишком расположен уступать американскому нажиму. “Если окажется, что умиротворять некого, то Форин оффис станет безработным”, – возмущенно говорил он, проводя параллели с довоенной политикой Чемберлена. Но, как пишет Б. Стейл, у Британии не было козырных карт, чтобы играть с американцами на равных, и поэтому старый профессор из Кинг Колледжа был низведен “до статуса говорящего чудака в духе сказанного Сталиным по другому случаю, а именно сколько дивизий имеет Кинг Колледж?”⁵

Было бы упрощением думать, что Черчилль силой своего бесспорного дара убеждения “подмял” под себя неопытного Трумэна. До поры до времени американцы предпочитали все карты англичанам не раскрывать, что в первую очередь касалось их далеко идущих планов в отношении предстоявшей мирной конференции и особенно главного козыря – атомной бомбы, сообщить о которой они собирались в решающий момент. “Мой папа оттягивал начало работы конференции, потому что он хотел провести ее после того, как будет испытана атомная бомба”⁶, – признавала позднее дочь президента Маргарет.

Не будем забывать, что это было межвременье, когда наступала новая эпоха и мир стоял перед выбором, когда возникли альтернативные варианты развития отношений между победителями на будущее. Первая попытка Трумэна заявить претензии на американское лидерство и ревизовать наследие Рузвельта с приходом в Белый дом нового человека явно не удалась и лишь оставила неприятный осадок и обозначила паузу в отношениях с важным союзником в самый неподходящий момент.

Речь идет и о нарочито жёсткой по форме беседе нового президента в Вашингтоне с главой НКВД В.М. Молотовым в конце апреля в ответ на согласие советского правительства направить его на конференцию в Сан-Франциско во изменение своего первоначального решения, и явно вызывающем прекращении поставок СССР по ленд-лизу, и

---

⁴ *Defending the West. The Truman – Churchill Correspondence, 1945–1960.* Westport, 2004, p. 57.

⁵ *Steil B. The Battle of Bretton Woods: John Meinard Keynes, Harry Dexter White and the Making of a New World Order.* Princeton, 2013, p. 292–298.

⁶ *Truman M. Harry S. Truman.* New York, 1973, p. 283.

попытках превратить в “предмет торга” вопрос о выводе англо-американских войск из советской зоны оккупации, не говоря уже о ставшем известным в Москве планировании военных действий против советского союзника с привлечением разбитых гитлеровских частей (операция “Немыслимое”, вдохновителем которой выступал Черчилль).

Следует отметить, что советское руководство в это время проводило крайне осторожный курс и не спешило отвечать “ударом на удар”, хотя у многих в Москве, особенно военных, “кулаки чесались” и возникало желание поставить партнеров на место. В западных столицах приходилось учитывать и состояние умов в обществе, не готового после только что одержанной победы над фашизмом к резкой смене курса в отношении союзника за столь короткое время. Крупный специалист по предыстории “холодной войны” Дж.Л. Гэддис признавал: “Для западных правительств было непросто начать изображать Советский Союз как нового и опасного врага после того, как они [столь долго] изображали его славным военным союзником”⁷.

Особенность военно-политической ситуации летом 1945 г. заключалась в том, что для Советского Союза война закончилась в Берлине, и это повышало его возможности для дипломатического маневра, в то время как для США и Великобритании война еще продолжалась на Тихом океане, более того, вступала в решающую фазу, что, естественно, связывало им руки. Военная необходимость настраивала президента Трумэна на примирительный лад. “Было много причин для моей поездки в Потсдам, – признавал Трумэн, – но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные руководители”⁸.

16 мая Трумэн на пресс-конференции в осторожной форме заявил о возможности новой встречи “большой тройки”. Параллельно с двух сторон при полном неведении англичан и в обход госдепартамента между Кремлем и Белым домом напрямую шел активный дипломатический зондаж с уточнением практических деталей при посредничестве посольства СССР в Вашингтоне. Именно по этому каналу американцам сообщили из Москвы 20 мая о согласии Сталина с идеей проведения конференции и о том, что желательно провести ее “в районе Берлина”.

Однако всё-таки главную роль в согласовании сроков будущей конференции и определении узловых вопросов ее повестки дня имел визит в Москву в конце мая Г. Гопкинса. Его статус в отношениях с советскими руководителями был совершенно особым и основывался на взаимном доверии и прошлом опыте. Как писал Г.К. Жуков, “Г. Гопкинс, по мнению И.В. Сталина, был выдающейся личностью. Он много сделал для укрепления деловых связей США с Советским Союзом”.

В послании Сталину от 20 мая Трумэн, ссылаясь на возникшие трудности при обсуждении сложных и важных вопросов на расстоянии, сообщал о своем желании, “пока не представится возможность для нашей встречи”, направить в Москву “г-на Гарри Гопкинса с послем Гарриманом с тем, чтобы они могли обсудить эти вопросы лично с Вами”. В тот же день из Москвы пришел ответ, в котором говорилось: “Принимаю с готовностью Ваше предложение о встрече с г-ном Гопкинсом и послем Гарриманом. Дата 26 мая меня вполне устраивает”⁹. По тону ответного послания было легко почувствовать, что советская сторона оценила предложенный шаг.

В Москве Гопкинса ждал радушный прием, но ему пришлось выслушать от Сталина и немало критических суждений о политике нового американского руководства. Называя вещи своими именами, Сталин прямо сказал, что в отношениях США с Советским Союзом наступило “заметное охлаждение”, как только Германия потерпела поражение. В качестве примера он привлек внимание собеседника к прекращению поставок по ленд-лизу. “Если отказом от дальнейших поставок по ленд-лизу имелось в виду ока-

⁷ Gaddis J.L. *We Now Know. Rethinking Cold War History*. New York, 1996, p. 32.

⁸ *The Memoirs of Harry S. Truman*, v. 1. New York, 1955, p. 411.

⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании. 1941–1945 гг. М., 1976, т. 2, с. 250.

зять давление на русских с целью сделать их более уступчивыми, то это было большой ошибкой”, – заметил он. При этом Сталин добавил, что если говорить с Советским Союзом начистоту, по-дружески, то можно многое сделать, но нажим, в какой бы форме он ни применялся, приведет к противоположному результату. В памяти американца отложилась чеканная сталинская фраза: “Русские люди – простые люди, но не надо считать их дураками”.

Посланец Белого дома по мере сил старался сгладить впечатление, произведенное неуклюжими действиями американских руководителей, и зывал к успешному опыту преодоления разногласий в прошлом. В ходе переговоров (состоялось шесть встреч со Сталиным) и отмеченных, по словам присутствовавшего на них посла США в Москве А. Гарримана, “исключительным доверием и редкой доброжелательностью”, удалось разрешить некоторые проблемы. Был, наконец, согласован вопрос о реорганизации польского правительства на основе “ялтинской формулы”, т.е. приглашения в него прозападных деятелей. В Вашингтоне и в Лондоне сочли, что Гопкинс добился “оптимального решения” в сложившихся условиях. Это касалось и вопроса о новой встрече руководителей СССР, США и Великобритании, назначенной на середину июля. Советская сторона назначила своего представителя в Контрольный совет по Германии и уточнила сроки вступления СССР в войну против Японии во исполнение ялтинских обязательств.

На обратном пути из Москвы Гопкинс сделал остановку в Берлине, чтобы своими глазами увидеть место проведения конференции. На завтраке, устроенном в его честь советским командованием, обсуждались предварительно вопросы предстоящей конференции глав правительств. Гопкинс не скрывал своего удовлетворения тем, что Москва согласилась с американским предложением о сроках ее проведения.

Г. К. Жуков вспоминал о встрече с Гопкинсом: «Черчилль настаивает собраться в Берлине 15 июня, – сказал Г. Гопкинс, – но мы не будем готовы для участия в таком ответственном совещании к этому сроку. Наш президент предложил назначить конференцию на середину июля. Мы очень рады, что господин Сталин согласился с нашим предложением. Предстоят весьма сложные переговоры о будущем Германии и других стран Европы, а уже сейчас накопилось много “горючего материала”»¹⁰. Не ведая о тайных замыслах нового президента, Гопкинс всего лишь добросовестно выполнил возложенное на него поручение.

ТЕНЬ АЛАМОГОРДО

О роли “атомной дипломатии” во внешней политике и международных отношениях написано немало. И особенно применительно к Потсдамской конференции и роли “супербомбы” в послевоенной политике США. И всё-таки, думается, что эта тема еще далеко не исчерпана. Ясно, что мысль об использовании чудо-оружия в качестве абсолютного аргумента в мировой политике подкупала своей простотой прежде всего недалеких политиков. По своему воздействию на умы это чем-то напоминало “философский камень” или “перпетуум мобиле”. Недаром гласит старая максима: невежество всегда держалось на вере в чудеса.

На это могут возразить, что с началом Второй мировой войны дорогу ядерным исследованиям в США и практическому созданию атомного сверхоружия открыл именно президент Рузвельт – дальновидный и масштабный государственный деятель. Не будем забывать, что ядерная программа США, получившая кодовое название “Манхэттенский проект”, поначалу не имела никакого отношения к СССР и не была инициативным выбором администрации. Она началась под сильнейшим давлением со стороны мировой научной элиты, среди которой видную роль сыграли А. Эйнштейн и Н. Бор, в ответ на сообщения о начале работ по созданию ядерного оружия в нацистской Германии (“Проект U”).

¹⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 2, с. 367.

Одна мысль об овладении Гитлером этим страшным оружием приводила ученых в ужас, особенно тех из них, кто на собственном опыте жизни в Германии был знаком с человеконенавистнической идеологией нацистов. “Я уверен, что Гитлер ни мгновения не поколебался бы перед тем, как применить атомные бомбы против Англии”¹¹, – признавал бывший министр вооружений и военного производства Германии А. Шпеер.

Успей немцы создать ядерную боеголовку, ракеты Фау-2 обрушили бы на Лондон совсем другой груз. Всего самолеты-снаряды Фау-1 и оперативно-тактические ракеты Фау-2, которым тогда не было равных в мире, разрушили в Англии 123 тыс. зданий, а всего в Германии произвели около 250 тыс. ракет. Оценивая сведения, полученные по каналам советской разведки о немецком “Проекте U”, И.В. Курчатов писал: «Материал исключительно интересен. Он содержит описание конструкции немецкой атомной бомбы, предназначенной к транспортировке на ракетном двигателе “Фау”»¹².

А как же с англо-американской кооперацией в атомных исследованиях и совместной работой в годы войны в тайне от СССР, закрепленной соглашением на Квебекской конференции в августе 1943 г.? Во-первых, англичане опережали американцев и имели к тому времени уже большой научный и практический задел, что вызывало в Вашингтоне большую ревность. Поэтому именно американцы в 1941 г., пользуясь гипотетической угрозой нацистского вторжения на Британские острова, предложили англичанам объединить усилия в создании атомной бомбы, и летом 1942 г. Рузвельт и Черчилль договорились о сосредоточении всех работ в США. Британский проект “Тьюб Эллойз” объединился с “Манхэттенским проектом”. Во-вторых, исследования подошли к стадии промышленного производства, на которое у Лондона не было средств. В-третьих, американцы, убедив англичан осуществлять совместный проект, в дальнейшем обманули их и лишили доступа к атомным секретам. В итоге англичане, будучи первопроходцами в этой области, создали атомное оружие на три года позже, чем СССР.

А как же общая борьба с фашизмом и “товарищество по оружию”? Можно ответить, что “проект Манхэттен” был своеобразным вкладом США (2 млрд долл.) в общую борьбу с фашизмом, правда, до определенного момента, после которого начиналась уже совсем другая глава мировой истории. Некоторые даже считают, что терпимое отношение к советскому “атомному шпионажу” в США при Рузвельте, о котором, конечно, в Белом доме было известно, являлось своеобразной негласной формой передачи конфиденциальных сведений союзнику в то время, когда основные усилия американской контрразведки были направлены против Германии и Японии.

Другое дело, что открыли бы в Вашингтоне на прямой запрос из Москвы о ходе работ над созданием ядерного оружия. В конце концов, союзник имел право знать, чем располагал “великий арсенал демократии” для борьбы с общим врагом и каковы были истинные возможности нейтрализации ядерной угрозы со стороны нацистов. Но такой запрос в Вашингтон никто не посылал и послать не мог, какое бы недоумение это сегодня ни вызывало. Не в манере Сталина было вести открытый диалог в столь деликатных вопросах. А возможно, он предполагал, какой ответ может поступить из Вашингтона, и не хотел лишнего конфуза.

Некоторое представление о ходе его мыслей дают воспоминания генерала П.А. Судоплатова, куратора советского “уранового проекта” со стороны НКВД. Генерал вспоминал, как в октябре 1942 г., т.е. вскоре после того как Берия впервые доложил “хозяйину” о начале ядерных работ в США, Сталин принял на своей даче в Кунцево двух выдающихся ученых – академиком В.И. Вернадского и А.И. Иоффе. Вернадский, ссылаясь на неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе, предложил Сталину обратиться к Нильсу Бору и другим ученым, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам с просьбой поделиться с нами данными и вместе проводить работы по атомной энергии.

¹¹ *Speer F.* Inside the Third Reich. New York, 1970, p. 303.

¹² См. *Лота В.И.* Ключи от ада. Атомная эпопея тайного противоборства разведок великих держав. М., 2009, с. 72, 188–189, 192.

На это Сталин в характерной для него манере ответил, что ученые политически наивны, если думают, будто западные правительства предоставят нам сведения по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако Сталин согласился, что неофициальный зондаж в отношении западных специалистов от имени наших ученых может оказаться полезным¹³.

Между тем выдающиеся советские ученые были не столь уж наивны, когда предлагали “прямой разговор” с главным союзником по ядерной тематике. В американских верхах находились и такие, кто считал необходимым поделиться с Москвой ядерными секретами еще до того, как бомба станет реальностью. Для решения некоторых послевоенных проблем, касающихся применения ядерного оружия, министр обороны США Г. Стимсон с одобрения Трумэна учредил под своим председательством так называемый Временный комитет. В него вошли имевшие отношение к “Манхэттенскому проекту” видные ученые, военные и политические деятели. Впервые Комитет собрался на заседание в полном составе 31 мая 1945 г., т.е. когда уже полным ходом шла подготовка к Потсдамской конференции. Обсуждался вопрос об “атомной политике”, включая степень допустимости международного обмена информацией по этой проблеме.

Научный руководитель “Манхэттенского проекта” Р. Оппенгеймер предложил сделать шаги навстречу концепции “открытого мира”, сформулированной Бором, что подразумевало свободный обмен данными по ядерной проблематике с Советами. В ответ на это Стимсон выразил сомнения в возможности такого сотрудничества с “тоталитарными режимами”, имея в виду, разумеется, Советский Союз. Однако Оппенгеймера неожиданно поддержал начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. Он заметил, что неуступчивость СССР проистекала из вполне обоснованного беспокойства русских за безопасность своего государства. Далее протокольная запись гласит: «Генерал Маршалл был уверен: нам не следует бояться того, что русские, узнав о нашем секрете, раскроют его японцам. Он поднял вопрос, насколько желательно пригласить двоих передовых советских ученых, чтобы они были свидетелями испытания “Trinity” (“Троицы”)».

Маршаллу возразил новый госсекретарь Дж. Бирнс, бывший сенатор из американской глубинки, которого Рузвельт обещал сделать своим вице-президентом на выборах 1944 г., но в последний момент передумал. Обязанности госсекретаря в его понимании мало чем отличались от того, как “один почтмейстер в штате Теннесси пишет другому”. Протокольная запись зафиксировала слова этого новоиспеченного дипломата, который поведет себя очень напористо в Потсдаме: “Мистер Бирнс высказал опасение: если мы поделимся информацией с русскими, даже в общих чертах, Сталин захочет стать нашим партнером... Бирнс высказался о том, что наиболее желательно было бы форсировать исследования и производство, связанные с ядерной программой, чтобы быть уверенными: мы опережаем русских – и в то же время прилагать все усилия для улучшения наших политических связей с СССР. С этим предложением согласились все присутствующие”. Как замечает Дж. Бэггот, досконально исследовавший тайную историю создания ядерной бомбы, Бирнс понимал, “насколько ценным козырем может быть ядерное лидерство США в послевоенных советско-американских отношениях”¹⁴.

Возможно, Сталин упустил свой шанс, не поставив перед американцами со своей стороны ему прямотой и настойчивостью, особенно на пике советско-американского сотрудничества и пока нужда в Советском Союзе была велика, вопрос об объединении усилий в ядерных исследованиях. Не исключено, что ему удалось бы добиться своего. Правда, к этому времени такой шаг уже трудно было обосновать военной необходимостью, но оставалась обширная область мирного использования атома. Вполне возможно, что такая постановка вопроса многим и сегодня покажется идеалистической. Но, как говорил Эйнштейн, в науке воображение важнее, чем знание.

¹³ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996, с. 215.

¹⁴ Бэггот Дж. Тайная история атомной бомбы. М., 2011, с. 374–375.

И всё-таки ядерная бомба в качестве “дипломатического оружия” вплоть до своего первого испытания на полигоне в Аламогордо в пустыне Нью-Мексико, а скорее даже до ее первого применения в боевых условиях против японцев, т.е. уже после “встречи умов” в Потсдаме была, что называется, “котом в мешке”. Оставаясь на твердой почве фактов того времени, а не обращенных в прошлое настроений “холодной войны”, не следует преувеличивать ее значение в ходе переговоров в Потсдаме. Американцы еще не вжились в роль монопольных обладателей “сверхоружия” и в основном учитывали как сложившееся в Европе соотношение сил, мощь Советского Союза и авторитет сталинской дипломатии, так и ближайшие задачи своей политики на Дальнем Востоке.

ЗАДАЧИ И СВЕРХЗАДАЧИ В ПОТСДАМЕ

Советской делегации предстояло решить на конференции поистине сверхзадачу: закрепить итоги войны, сохранить плоды победы и при этом не допустить раскола между союзниками, чтобы продолжить сотрудничество с ними в послевоенное время в интересах безопасности СССР, восстановления его экономики и международной стабильности. Проще говоря, обессиленному войной советскому государству требовалась длительная передышка, а еще лучше – прочный мир в обозримом будущем, чтобы сосредоточиться на решении внутренних задач, и Сталин готов был платить за это определенную “цену”. Вопрос заключался в том, какую и что будет после?

Советские цели на переговорах органично вытекали из всего предшествующего опыта СССР и дореволюционной России и скорее носили геополитический, прагматический, нежели идеологический характер. На всех уровнях социальной лестницы было распространено мнение (своего рода национальный консенсус), что колоссальные жертвы советского народа, принесенные в ходе войны на алтарь Победы, не должны оказаться напрасными. Это рассматривалось в Кремле как своеобразный наказ народа своим руководителям. Если верить записям Ф.И. Чуева, Молотов говорил: “Нам надо было закрепить то, что завоевано”. Сталин, по его словам, был полон решимости не упустить исторический шанс и не “дать себя надуть”, как это часто проделывал Запад с Россией в предыдущих войнах¹⁵.

На практике же речь шла прежде всего об укреплении территориальной безопасности Советского государства, как это тогда представляли себе в Кремле, закреплении новых границ СССР в Европе и на Дальнем Востоке, известных геополитических “приращениях”, а самое главное – ликвидации “санитарного кордона” и превращения соседних государств в “добрых соседей” в духе провозглашенной Рузвельтом политики США в отношении стран Латинской Америки. В очередной раз в своей многовековой истории Восточной Европе предстояло сменить внешнеполитическую ориентацию и оказаться на этот раз в орбите влияния своего великого восточного соседа.

Среди российских историков в основном сложился консенсус в отношении того, что на этапе освобождения Восточной Европы и первых послевоенных месяцев с советской стороны не шла речь о “советизации” или “социализации” освобожденных государств, а скорее ставилась расплывчатая задача поддержка власти в этих странах “дружественных” режимов левого и антифашистского толка, хотя уже тогда было ясно, что по духу Москве куда ближе коммунистические деятели.

На уровне межведомственных согласований перед Потсдамской конференцией вопросы политического характера власти освобожденных государств затрагивались в самых общих чертах, а упор делался скорее на их внешнеполитической ориентации и отношениях с Советским Союзом, чтобы не воскрешать довоенные страхи на Западе “мировой революции”. П. А. Судоплатов, осведомленный о процессе принятия решений “наверху”, вспоминал: “Накануне Потсдамской конференции наши оценки были еще более оптимистичны. Берия и Голиков вообще не упоминали о перспективах социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Социалистический

¹⁵ Чуев Ф.И. Молотов: полудержавный властелин. М., 2002. с. 102, 115.

выбор как реальность для нас в странах Европы был более или менее ясен только для Югославии. Мы исходили из того, что Тито как руководитель государства и компартии опирался на реальную военную силу. В других же странах обстановка была иной. Вместе с тем мы сходились на том, что наше военное присутствие и симпатии к Советскому Союзу широких масс населения обеспечат стабильное пребывание у власти в Польше, Чехословакии и Венгрии правительств, которые будут ориентироваться на прочный союз и сотрудничество с нами.

Наши военно-политические рекомендации по Германии также были далеки от установок на строительство социализма в оккупированной нами зоне. Речь скорее шла о том, чтобы в будущей нейтральной, разоруженной навсегда Германии создать мощную, стабильную, ориентирующуюся на Россию, прогрессивную группу в немецком руководстве¹⁶.

Вопрос заключался в том, как убедить Запад согласиться с таким коренным поворотом в жизни народов Европы, означавшим, по сути дела, вхождение их в орбиту влияния Москвы. Ничего другого в Кремле кроме как положиться на старую как мир идею “сфер влияния” придумать не могли и показывали пример, по возможности не вмешиваясь в революционные события в Италии, Греции и других странах Европы, где оккупационные англо-американские войска и местная администрация под флагом защиты демократии действовали жёстко, восстанавливали довоенные социальные порядки и изолировали левые силы. Известные слова Черчилля из телеграммы от 4 декабря 1944 г. командующему в Греции английскому генералу Р. Скоби проливают некоторый свет. Требуя подавления левой оппозиции, премьер писал: “Без кровопролития, если возможно, но также и с кровопролитием, если потребуется”¹⁷.

Однако победа досталась Советскому Союзу дорогой ценой. Страна лежала в руинах, и Сталин всерьез рассчитывал, что США (о надорвавшей в войне свои силы Англии говорить не приходилось) примут участие в ее восстановлении. Позицию американской стороны на этот счет во время войны пытались “прощупать” неоднократно, начиная с Московской конференции (1943) и было лишь неясно, какую “цену” американцы в конечном счете потребуют за свою помощь. Во многом надеждами на послевоенное сотрудничество и желанием сократить военные расходы объяснялось и стремление Сталина не обострять отношения с США и уступать им, если это не затрагивало коренные государственные интересы.

Что касается подхода США к предстоящей конференции, то он был изложен в ряде “позиционных” документов, подготовленных для президента в госдепартаменте и военном ведомстве, отличавшихся большей частью максималистским характером, желанием “не уступать” Советскому Союзу и добиваться выгодных для Вашингтона решений. Американские представители в восточноевропейских странах – Дж. Барнс, Л. Штейнгардт, Дж.Г. Лейн и другие в своих донесениях в Вашингтон утверждали, что Советский Союз “порвал” с ялтинскими соглашениями и встал на путь односторонних действий. Американский представитель в Болгарии Барнс, например, сообщал 9 июля 1945 г., что, по его мнению, “война в Европе не кончилась, а вступила в новую фазу”, в ходе которой “старое противостояние Англии, Соединенных Штатов и России против Германии превратилось в противостояние России против Англии и Соединенных Штатов”¹⁸.

В Вашингтоне считали, что удалось нащупать “болевые точки” СССР, а поэтому особенно большое значение придавали вопросу о германских репарациях и послевоенной помощи в восстановлении советского хозяйства. Речь шла о предоставлении СССР

¹⁶ Судоплатов П.А. Указ. соч., с. 204.

¹⁷ Churchill W.S. The Second World War, v. 6. London, 1954, p. 252. О ситуации в Восточной Европе из последних западных работ см. также: Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York, 2010; Пис Л. Сталин, Гитлер и Запад. Тайная дипломатия великих держав. М., 2012; Applebaum A. Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956. Doubleday, 2012.

¹⁸ De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, The Soviet Union and the Cold War. 1933–1947. Chicago, 1980, p. 148.

кредита в 6 млрд долл., обсуждение которого по американской инициативе оживилось накануне Потсдамской конференции. Новый министр финансов Ф. Винсон, сменивший любимца Рузвельта Г. Моргантау, в специальном меморандуме для президента отмечал: «Наличие таких кредитов укрепит вашу позицию на предстоящей встрече “большой тройки”. Советский Союз отчаянно нуждается во внешней помощи для своего восстановления»¹⁹.

Черчилль накануне конференции был настроен весьма воинственно, что могло привести к ее срыву, а потому американская делегация не всегда поддерживала его. Для американцев на тот момент по многим причинам жёсткий сценарий был неприемлем. Скорее всего, именно поэтому, чтобы не обострять подозрительность Сталина и не поднимать роль Черчилля в англо-американских отношениях, Трумэн отказался, как это делал в свое время и Рузвельт, от встречи с премьер-министром в Лондоне перед конференцией. И оказался прав. Первый вопрос, который Сталин задал Трумэну при встрече в Потсдаме, был о том, не встречался ли уже американский президент с Черчиллем. Основная интрига, однако, заключалась не в этом.

Потсдамскую конференцию можно назвать конференцией “с двойным дном”. За день до ее официального открытия 16 июля на базе американских ВВС в Аламогордо (штат Нью-Мексико) произошло первое успешное испытание ядерного устройства, специально приуроченное к началу конференции. Куратор проекта со стороны спецслужб генерал Л. Гровз готов был пренебречь крайне неблагоприятными погодными условиями, чтобы успеть к сроку. 12 июля, как отмечает Р. Роудз, “беспокоясь о Потсдаме, он окончательно назначает дату испытания на утро 16 июля” на пике июльских гроз. Поздно вечером в тот же день по каналам военного ведомства в Потсдам пришла на имя Стимсона краткая шифровка: “Состоялось сегодня утром. Диагноз пока не полный, но результаты удовлетворительные и уже выше ожиданий”. Мощностъ ядерного взрыва составила почти 19 килотонн в тротиловом эквиваленте, что в 4 раза превышало прогноз. Найденные на расстоянии 800 ярдов от эпицентра взрыва тела диких кроликов полуиспарились²⁰.

ДИСКУССИИ И РЕШЕНИЯ

Президент уже знал об испытаниях в Аламогордо, когда на следующий день отправился на свою первую встречу со Сталиным за пять часов до официального открытия конференции. Настроение у него было приподнятым. В ходе состоявшейся беседы Трумэн подчеркнул, что “он очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом”. На это последовал ответ, что “со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США”. При этом несколько назидательно, видимо, на правах более опытного дипломата, Сталин отметил, что “без трудностей не обойтись и что важнее всего желание найти общий язык”²¹. На первом пленарном заседании “более опытный” тем не менее великодушно предложил Трумэну исполнять председательские обязанности, видимо, желая этим подчеркнуть свое особое отношение к Соединенным Штатам.

Даже сухие отредактированные протокольные записи заседаний конференции передают большое напряжение и эмоциональный накал за столом переговоров во дворце Цецилиенхоф. Главные участники, вероятно, чувствовали, что они вершат судьбы мира. Центральное место занимали проблемы европейского урегулирования, прежде

¹⁹ Борисов А.Ю. СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983, с. 251.

²⁰ Rhodes R. The Making of the Atomic Bomb. New York, 1986. p. 658, 685. Полный текст документа см: FRUS. The Berlin Conference, v. 1, p. 1360.

²¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа). Сборник документов. М., 1980, с. 42 (далее: Берлинская конференция...).

всего германский вопрос. К тому времени проблема расчленения Германии, которую, согласно американскому “плану Моргантау” предполагалось превратить в деиндустриальное “пасторальное” государство, стала уже не актуальной. Директива американского Объединенного Комитета начальников штабов 1067, за которой скрывался этот план, была отменена директивой 1779, которая официально закрепляла новые цели: объединение западных зон Германии и поощрение германского самоуправления. Как отмечает Т. Джэд, “для американцев в первую очередь Германия быстро переставала быть врагом”²².

В Москве всерьез никогда не верили в осуществимость “расчленения” и участвовали в обсуждении постольку, поскольку не хотели вносить разлад в отношения с западными союзниками. В то же время все сходились на том, что важно было не допустить повторения новой агрессии с немецкой земли и создать в Европе прочные гарантии сохранения длительного послевоенного мира. Поэтому политические условия обращения с Германией на послевоенный период, знаменитые 4 “де-” – демократизация, демилитаризация, денацификация и декартелизация были легко согласованы между участниками конференции. Как будет выглядеть послевоенная Германия с точки зрения своей политической системы, структуры власти и государственного устройства, тогда еще точно никто не знал, хотя стороны и имели свои скрытые предпочтения, но на тот момент все участники исходили из того, что она сохранится как единое целое и избежит раскола.

Разногласия, и серьезные, которые едва не привели к срыву конференции, обнаружились, когда перешли к обсуждению положения в освобожденных государствах. Тон задал президент Трумэн. Настроенный госдепартаментом на жесткое противостояние, он потребовал “немедленной реорганизации теперешних правительств Румынии и Болгарии” в качестве условия установления с ними дипломатических отношений и последующего заключения мирных договоров. При этом Трумэн считал возможным проявить особое расположение к Италии и предложить оказать ей поддержку в вопросе ее вступления в только что созданную Организацию Объединенных Наций. Вероятно, американская делегация исходила из того, что если по требованию США и Англии удалось преобразовать польское правительство, то почему такое было невозможно с другими странами-сателлитами.

Судя по всему, Сталин был готов к такому началу. Поэтому он не стал вступать в спор по существу и доказывать, что ситуация в двух названных странах была безупречной с точки зрения внутренних условий и ограничился тем замечанием, что она не лучше, и не хуже, чем в других освобожденных странах. При этом он обратил внимание на наиболее одиозный пример – сохранение режима Франко, который, формально не объявляя войны СССР, направил в поддержку Гитлера на восточный фронт “голубую дивизию”. По его словам, режим Франко был навязан испанскому народу извне, а не возник естественным путем, и продолжал подпитывать полуфашистские режимы в других странах Европы. Отметим, что он не потребовал его свержения или “реорганизации”, на чем настаивали партнеры по переговорам в отношении Болгарии и Румынии, а всего лишь призывал к его моральному осуждению.

Если в Тегеране и в Ялте Сталин и Рузвельт оппонировали друг другу на равных, то в Потсдаме советский лидер ненавязчиво демонстрировал свое дипломатическое превосходство над своими партнерами. Существует много западных признаний на этот счет, и все они, если сделаны “по горячим следам”, как правило, комплиментарны. Приведем одно, не цитированное в нашей литературе – запись, сделанную на следующий день после завершения конференции британским генпрокурором и членом делегации У. Монктоном: Трумэн “был готов к обсуждению каждого сюжета на основе краткого твердого резюме об американской политике, зачитав которое он потом мало принимал участия в последующей дискуссии, разве только подтверждая сказанное. Уинстон был неплох, но разбросан. Он был слишком склонен к длинным декламациям, которые явно были не по нутру президенту Трумэну. Сталин, напротив, говорил спокойно, коротко,

²² *Judt T. Op. cit., p. 125.*

рублеными фразами, которые его молодой переводчик В.Н. Павлов немедленно переводил на энергичный английский. В ходе дискуссий Сталин демонстрировал чувство юмора, никогда не был агрессивным, а скорее прямым и целеустремленным²³.

Между тем борьба по вопросу об освобожденной Европе продолжалась с неослабевающей силой. Дипломатический торг подошел к опасной черте. Поэтому советская сторона для достижения компромисса предложила перейти к политике облегчения положения бывших союзников Германии всех вместе и начать с восстановления дипломатических отношений с ними, имея в виду страны Восточной Европы, так как с Италией к этому времени США и СССР такие отношения уже установили. «Могут возразить, что там нет свободных избранных правительств, – говорил Сталин. – Но нет такого правительства и в Италии. Однако дипломатические отношения с Италией восстановлены. Нет таких правительств во Франции в Бельгии. Однако ни у кого нет сомнений по вопросу дипломатических отношений с этими странами»²⁴.

В конечном счете участникам удалось найти «резиновую» дипломатическую формулу, которая при всей ее расплывчатости всё-таки не допускала откровенной дискриминации указанных стран. В протоколе конференции было записано, что правительства трех держав «каждое в отдельности согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами». Разработкой этих договоров предстояло заняться созданному решению конференции Совету министров иностранных дел (СМИД) пяти держав – СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. Непредвзятости наблюдателю уже тогда стало ясно, что предстоит затяжная дипломатическая борьба. Каждая сторона защищала своих клиентов, что ясно говорило о появлении первых признаков будущего раскола Европы.

Не менее остро в Потсдаме проходило и обсуждение польской проблемы. Политическая ситуация в Польше, приход к власти там просоветских сил не устраивали Лондон и Вашингтон, особенно с учетом в целом антисоветской позиции 6-миллионной польской диаспоры в США. Но в тот момент, не отказываясь от борьбы за Польшу, им пришлось под давлением обстоятельств пойти на признание Польского временного правительства расширенного состава на основе ялтинской формулы и прекратить отношения с польским правительством Арцишевского в Лондоне. Черчилль даже заявил в начале работы конференции: «Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы сказать, как я рад улучшившемуся положению в Польше за последние два месяца»²⁵. Надежды на укрепление в Польше позиций своих сторонников американцы и англичане связывали с предстоящими в Польше выборами.

В связи с этим большое значение приобретал в Потсдаме вопрос о закреплении новой западной границы Польши, лишь в самых общих чертах согласованный союзниками в Крыму. По существу это был вопрос о суверенитете и государственности Польши, возрождавшейся после нацистской оккупации в новых границах. Для СССР это был вопрос его территориальной безопасности, связанный с послевоенным миром в Европе и созданием прочных гарантий против новой агрессии со стороны Германии. Не случайно Сталин любил говорить, что вопрос о Польше это «вопрос жизни и смерти для Советского государства». Земли на западе становились своего рода гарантией ориентации Польши на Восток.

Вероятно, именно поэтому вопрос о западной границе Польши был превращен союзниками в предмет острого политического торга. Новая западная граница рассматривалась ими как большой шаг навстречу послевоенной Польше и рычаг воздействия на польские события. 29 июля Трумэн угрожающе заявил, что «поляки не могут получить всего, чего они хотят, что и так он делает им большую уступку». Поэтому президент

²³ <http://www.spartacus.schoolintt.co.uk/2WWpotm.htm>

²⁴ Берлинская конференция..., с. 102.

²⁵ Там же, с. 64.

первоначально вообще предложил отложить признание польско-германской границы по Одеру – Нейсе до мирной конференции, что противоречило согласованному в Ялте с его предшественником решению о переносе польской западной границы путем “приращения” польской территории на севере и западе. Черчилль был еще более категоричен. “Это не пойдет на благо Польше – иметь такую территорию”²⁶, – заявил он в ходе заседания 22 июля, что вызывало в памяти его оскорбительную для поляков шутку в Ялте о том, “как бы польский гусь не умер от несварения желудка”.

Но тут Сталин сделал неожиданный ход и предложил пригласить в Потсдам польскую правительственную делегацию для выяснения ее мнения. Мол, нужно было соблюсти демократические приличия и спросить мнение заинтересованных лиц, а не действовать за их спиной. С этим трудно было спорить, поэтому вопрос приобретал невыгодную Лондону и Вашингтону публичность в глазах польского общественного мнения.

Естественно, приглашенные на конференцию поляки, независимо от их политических убеждений, с жаром отстаивали общенациональные интересы. “Размен” территорий, можно сказать с высоты сегодняшнего времени, был выгоден Польше. В конечном счете вопрос был решен на компромиссной основе в пользу поляков. Хотя окончательное решение отложили до мирного урегулирования, в протоколе конференции было четко указано, что под управление Польского государства переходили бывшие германские земли к востоку от линии рек Одер – Западная Нейсе.

Главным средством давления на Советский Союз и получения от него существенных уступок стала репарационная проблема и другие вопросы, представлявшие жизненно важный интерес для истощенной войной советской экономики. Трудно сказать, на что рассчитывали на конференции большие прагматики Сталин и Молотов, когда пытались пробудить у своих партнеров сочувствие к положению советского народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны. Во всяком случае, эта болезненная тема не раз поднималась с советской стороны на переговорах при обсуждении вопроса о репарациях. Стоит привести некоторые высказывания с советской стороны на этот счет, обращенные к западным партнерам. Сталин на заседании 25 июля: “Я не привык жаловаться, но должен сказать, что наше положение еще хуже (чем у Великобритании. – *А.Б.*). Мы потеряли несколько (!) миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, я боюсь, что вы тут прослезились бы, до того тяжелое положение в России”²⁷. Молотов неоднократно подчеркивал, что война обошла стороной территорию Соединенных Штатов и нанесла колоссальный ущерб Советскому Союзу. Едва ли сказанное советскими вождями было способно разжалобить западных политиков, зато лишний раз подтверждало оценки их экспертами бедственного положения СССР после войны и укрепляло их в мысли использовать это положение к своей выгоде.

Экономический блок проблем в Потсдаме оказался самым сложным и, наверное, именно поэтому менее всего изученным в отечественной литературе. Репарационная проблема была, конечно, центральной, но не единственной. С ней были связаны и другие экономические вопросы – германского золота, активов, ценных бумаг и инвестиций за рубежом, немецкого военного и торгового флота. При их обсуждении кипели страсти, давали о себе знать интересы крупных западных корпораций и их довоенные связи с немецкой промышленностью. В этой области в переводе на дипломатический язык наиболее ощутимо проявились различия между государственной экономикой СССР и рыночной экономикой Запада.

Ради получения немецких репараций, прежде всего столь нужного стране промышленного оборудования, советская сторона отказалась от получения германских активов, инвестиций, ценных бумаг в западных зонах оккупации, а также от так называемого германского золота, награбленного со всей Европы. “Мы потеряли очень много оборудо-

²⁶ Там же, с. 133.

²⁷ Там же, с. 197.

дования в этой войне, страшно много. Надо хоть одну двадцатую часть возместить”, – говорил Сталин на заседании 31 июля, когда обсуждалась репарационная проблема²⁸.

Ради осязаемых немедленных выгод, которые в конечном счете оказались весьма скромными, он был готов пойти навстречу Западу в интересующих его вопросах. Скорее всего, советские эксперты сталинской школы плохо себе представляли подлинную ценность активов, которые выглядели чем-то отвлеченным по сравнению с промышленным оборудованием, а возможно, и не видели способа, как совместить зарубежную собственность, захваченную вне зоны прямого советского контроля, с советской плановой экономикой. Неудивительно, что сталинское великодушие изумило западных политиков. Представление дает состоявшийся обмен мнениями по этим вопросам 1 августа, накануне закрытия конференции.

Бирнс доложил участникам конференции, что в предварительном порядке на уровне министров советские представители согласились отказаться от претензий в отношении германских заграничных активов, золота, захваченного у немцев, и акций германских предприятий в западных зонах. При этом было добавлено, что если сказанное предварительно не будет подтверждено официально, то уже согласованные проценты изъятия промышленного оборудования из западных зон будут неприемлемы для США и Англии. В разговор включается Сталин, который говорит, что касается германских инвестиций в Восточной Европе, то они сохраняются “за нами”, а всё остальное остается “за нами”.

Трумэн уточняет: “Речь идет только о германских инвестициях в Европе или и в других странах?” Сталин: “Я скажу еще конкретнее: германские инвестиции, которые имеются в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии сохраняются за нами”. Теперь уже англичане изумлены советской широтой. Сменивший Идена на посту английского министра иностранных дел Э. Бевин переспрашивает: “Германские инвестиции в других странах сохраняются за нами?” Сталин: “Во всех других странах, в Южной Америке, в Канаде и т.д. – это всё ваше”. В это трудно поверить. “Следовательно, все германские активы в других странах, расположенных к западу от зон оккупации Германии, будут принадлежать США, Великобритании и другим странам? Это также относится и к Греции?” – спрашивает Бевин. Следует короткое сталинское “да”.

Бевин, всё еще не в силах поверить услышанному, на время уступает трибуну Бирнсу. Того интересует, как это относится к вопросу об акциях германских предприятий. Сталин отвечает, что “в нашей зоне они будут у нас, в вашей зоне – у вас”. Бирнс не успокаивается и добивается полной ясности. Он напоминает, что советское предложение накануне американцы поняли так, что СССР не будет претендовать на акции в западной зоне. Сталин снова коротко подтверждает: “Не будем”. Бирнсу тем не менее это кажется невероятным. “Если предприятие находится не в Восточной Европе, а в Западной Европе или в других частях света, то это предприятие остается за нами?”, вопрошает он. Дело начинает приобретать какой-то комический оборот. На Западе хорошо знают, что с собственностью так легко не расстаются. Сталин отвечает на поставленный вопрос: “В США, в Норвегии, в Швейцарии, в Швеции, в Аргентине (общий смех) и т.д. – это всё ваше”.

Между тем Бевин вновь уточняет, готов ли генералиссимус отказаться от всех претензий по германским заграничным активам, которые находятся вне зоны русских оккупационных войск. Сталин терпеливо подтверждает: “Готов отказаться”. В разговор опять вмешивается Бирнс: а как в отношении золота? Сталин бросает: “Мы уже сняли наши претензии на золото”. Бирнса всё еще продолжает мучить вопрос, как понимать советское предложение об активах Германии в других странах. Сталин в который уже раз поясняет: “Мы оставляем за собой только те, которые находятся в восточной зоне”. Более того, Сталин успокаивает партнеров, добавляя, что жертвы гитлеровской агрессии – Чехословакия и Югославия, сюда не войдут, а восточная половина Австрии войдет. Бевин не может прийти в себя от изумления. “Ясно, что активы, принадлежащие Великобритании и США в этой зоне, не будут затронуты”, – полувопросительно

²⁸ Там же, с. 251, 253.

говорит он. Молниеносная реакция Сталина под общий смех: “Конечно. Мы с Великобританией и США не воюем”²⁹.

Если вспомнить о том уроне, который понесла наша страна в ходе войны, сталинская щедрость, выглядевшая как пренебрежение интересами своего народа, по меньшей мере озадачивала. Было ли это издержками личной дипломатии “вождя”, возражать которому никто не решался, или Сталин руководствовался трезвым “расчетом сил”, как он любил говорить? Советские внутренние подготовительные документы к конференции на сей счет сведений не содержат. Вполне возможно, что это явилось импровизацией “на месте”, когда выяснилось, что иначе будет трудно решить крайне волнующую СССР проблему репараций, особенно если учесть желание Сталина получить германское оборудование по максимуму “сразу и немедленно” не только из восточной, но и из западной зоны.

Возможно также, что в условиях по существу уже разделенного мира единственной гарантией победителя получить “свое” было присутствие армии на захваченной территории. Примером этого стали действия войск союзников, нарушивших в ходе военных действий согласованные в ЕКК границы советской оккупационной зоны в Тюрингии и Саксонии. Побужденную Германию стали буквально рвать на части. Причем тон задавали те, кого война коснулась в меньшей степени. Из советской зоны, “пока не пришли русские”, которые в это время штурмовали Берлин, за спиной союзника подготовленные заранее специальные команды под руководством большого ненавистника большевиков из русских эмигрантов, полковника американской контрразведки Б.Т. Паша (Пашковского) начали эшелонами вывозить не принадлежавшее им высокотехнологичное оборудование, дефицитное сырье, прежде всего уран, и многое другое. Подготовленная Жуковым по прямому указанию Сталина справка на этот счет выглядела просто ошеломляющей и, положенная на стол конференции, заставила Трумэна оправдываться и обещать вернуть украденное у союзника³⁰.

В этом контексте германская собственность, как движимая, так и недвижимая, вне зоны прямого советского контроля при всем ее заманчивом объеме не имела практической ценности в глазах хозяина Кремля и могла послужить разменной монетой при решении более конкретных и, как тогда казалось, более насущных вопросов. Это, кстати говоря, и получило подтверждение в дальнейшем с началом “холодной войны”, когда, несмотря на все уступки Сталина на конференции, добиться от западных держав выполнения репарационных поставок из западных зон в существенных масштабах так и не удалось.

В протоколе конференции было зафиксировано, что репарационные претензии СССР будут удовлетворены изъятиями из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей. Конкретная сумма репараций при этом по настоянию западных держав опускалась. Кроме того, Советскому Союзу полагалась дополнительно 15% оборудования из западных зон в счет эквивалентных по стоимости поставок сельскохозяйственных и сырьевых товаров из своей зоны и 10% оборудования из западных зон без каких либо оплаты или возмещения.

Вторая мировая война привела к изменению геополитической карты мира и его переделу за счет побежденных и ослабленных войной стран. Вопрос заключался в том, удастся ли победителям осуществить этот передел упорядоченно дипломатическим путем в ходе конференции в Потсдаме на основе взаимной кооперации или новые противоречия, уже заявившие о себе, помешают им это сделать. Победа разжигала аппетиты держав-победителей. И СССР не был исключением. Каждая сторона, оценивая свой вклад в победу, отстаивала свои интересы и считала, что она заслуживает большего. В истории войн не было такого, чтобы победитель удовлетворился восстановлением довоенного статус-кво.

---

²⁹ Берлинская конференция..., с. 272–276.

³⁰ Там же, с. 392–399.

В Москве с удовлетворением отмечали, что в ходе предварительного дипломатического зондажа западные партнеры положительно отнеслись к ряду территориальных вопросов, волновавших советских руководителей за пределами зоны их непосредственного влияния. Речь шла, например, в давних традициях русской дипломатии об изменении невыгодного СССР статуса черноморских проливов и получении там права иметь военную базу, о восстановлении утерянных Россией прав по итогам Первой мировой войны на некоторые территории на Кавказе (Тао-Кларджетия – грузинский Лазистан и Карсская область), о получении СССР своей доли “колониального наследства, в частности, заявленной с советской стороны претензии на управление итальянскими колониями и др. В западной литературе эти советские планы обычно рассматривались как примеры “коммунистической” или “имперской” экспансии, хотя при этом замалчивались или обходились стороной еще более амбициозные программы США и Великобритании по переделу мира в свою пользу или удержания временно оккупированных территорий.

Разногласия в этой связи между победителями не замедлили проявиться в Потсдаме, когда Сталин затронул вопрос об итальянских колониях в Африке. Реакция Черчилля, когда затрагивались британские имперские интересы, была по обыкновению весьма болезненной и сводилась к тому, что “британская армия одна завоевала эти колонии” и поэтому, мол, вопрос был исчерпан. Возмущенный Трумэн смог лишь выдохнуть: “Все?” Реакция Сталина была еще более характерной: “А Берлин взяла Красная Армия”³¹. Раздался общий хохот.

В Кремле, может быть, несколько самонадеянно, исходили из того, что СССР становился после войны мировой державой и мог встать в один ряд с другими “владыками морей”, и его флот, правда, который еще только предстояло построить, в дальнейшем будет заинтересован в выходе в Средиземное море и в мировой океан. Вставал вопрос о пересмотре конвенции в Монтрё о режиме проливов, которая обрекала советский черноморский флот на зависимое от Турции положение, а также о получении в проливах Босфор и Дарданеллы советской военной базы. Как заявил своим собеседникам Сталин, права Советского Союза по конвенции в Монтрё такие же, как права японского императора. Кроме того, с советской стороны на конференции был поставлен вопрос и о том, что в случае заключения с Турцией союзного договора, что предложила сама Анкара, СССР должен был вернуть себе территории Карса и Ардагана, утерянные в период революционной смуты и распада Российской империи.

Это была азартная игра Сталина, переоценившего свои возможности и недооценившего противодействие своих англосаксонских союзников, взявших под защиту Турцию. По этому вопросу не было единства и в советском руководстве, в частности, против осторожно выступал Молотов, если верить его признаниям, сделанным много лет спустя, хотя и вынужден был проводить линию вождя. «Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили... Это было несвоевременное, неосуществимое дело. Сталина я считаю замечательным политиком, но у него тоже были свои ошибки... В последние годы Сталин немножко стал зазнаваться, и мне во внешней политике приходилось требовать то, что Милюков требовал – Дарданеллы! Сталин: “Давай, нажимай! В порядке совместного владения”. Я ему: “Не дадут”. – “А ты попробуй!”»³² Победа явно вскружила голову тому, кто считал важным руководствоваться в политике трезвым “расчетом сил”, а на деле нередко проявлял склонность к внешнеполитическим авантюрам.

В ответ на советские претензии в Потсдаме американцы предприняли неожиданный ход, предложив Сталину объединить вопрос о проливах с вопросом о “международных внутренних водных путях”. Речь шла о том, чтобы объявить судоходство по Дунаю и Рейну полностью свободным в духе нового издания доктрины “открытых дверей” для Европы, как в свое время это было сделано в XIX в. в отношении Китая под лозунгом “свободы торговли” и “равных возможностей” (“доктрина Хэя”). Судя по всему, амери-

³¹ Берлинская конференция..., с. 141

³² Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, с. 102–103.

канское предложение застигло Сталина врасплох и сразу же насторожило. Он разглядел в ней скрытый подвох и тут же спросил, о каких конкретно водных путях идет речь. Трумэн с обезоруживающей прямоотой ответил: “Обо всех”, что означало, что американцы имеют в виду страны Европы, расположенные по Дунаю и Рейну. Тем более что в рамках идеи Трумэна предусматривалось создание “временных навигационных органов”, в которых американцы, разумеется, собирались играть не последнюю роль. Было ясно, что Америка не рассталась с идеей “подвинуть” Советский Союз в зоне его главных интересов. Тут было над чем задуматься. Глава советской делегации не хотел импровизировать и попросил тайм-аут³³. Как он любил говорить, “на слух хорошо, но надо вчитаться”.

В итоге вся новая геополитическая конструкция, столь тщательно выстраивавшаяся советской дипломатией, дала трещину. Такой “размен” Москве был невыгоден. Баланс интересов был нарушен. Трумэн продолжал настаивать на том, чтобы эти два вопроса были рассмотрены вместе, но Сталин пришел к выводу, что в отношении проливов не удастся достичь соглашения, “поскольку наши взгляды весьма расходятся”, как заявил он. Все последующие назойливые попытки американцев вернуться к обсуждению представленного ими документа о “свободной и неограниченной навигации по международным внутренним путям” успеха не имели. Сталин даже отказался включить этот вопрос в коммюнике конференции. “Нет в этом нужды”, – сказал он Трумэну, вложив в эти слова всю свою обиду на неблагодарность союзника. “Вопрос о водных путях, – заявил он, – возник в качестве бесплатного приложения к вопросу о проливах. И почему отдается такое предпочтение вопросу о внутренних водных путях перед вопросом о проливах, я не понимаю”³⁴. В итоге на этом этапе переговоров удалось решить лишь вопрос о присоединении к СССР части Восточной Пруссии с Кёнигсбергом, согласованный еще в Крыму. С этим спорить союзникам было невозможно – там стояли советские войска.

Обсуждался на конференции и вопрос о наказании главных нацистских преступников, так как три державы-победительницы интенсивно готовились к проведению суда над ними в Нюрнберге³⁵. Сам по себе он вроде бы представлялся очевидным, но неожиданно между союзниками возникли разногласия при его обсуждении. Англичане и американцы выступили против упоминания конкретных имен военных преступников и предложили оставить это на усмотрение главного обвинителя трибунала американского судьи Р. Джексона. Утверждалось, что упоминание конкретных имен якобы могло помешать работе трибунала, хотя имена главных нацистов были и так у всех на слуху. Дело том, что тогда американцы еще не решили, как быть с некоторыми немецкими промышленниками и финансистами, которые привели Гитлера к власти и создали его военную машину, а потому тянули время. Многие из них имели тесные связи с крупными американскими корпорациями, чьи имена могли всплыть в ходе процесса и вызвать нежелательный общественный резонанс. Как позднее инструктировал американского обвинителя заместитель министра обороны США Р. Паттерсон, “не может быть и речи о том, чтобы позволить русским судить промышленников ввиду многочисленных связей между германскими и американскими экономиками до войны, так как это создаст великолепную возможность скомпрометировать США в ходе процесса”³⁶.

Трудно сказать, знал ли Сталин об этих тайных помыслах партнеров по переговорам, когда излагал советскую точку зрения. “Имена, по-моему, нужны, – заявил он. – Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других”. Трумэну пришлось

³³ Берлинская конференция..., с. 144, 158.

³⁴ Там же, с. 286.

³⁵ Bower T. Blind Eye to Murder. Britain, America and Purging of Nazi Germany – A Pledge Betrayed. London, 1981, p. 82, 84.

³⁶ Higham Ch. Trading with the Enemy. An Expose of the Nazi-American Money Plot. 1933–1949, New York, 1983, p. 232.

отшучиваться: “Все они мне не нравятся”, – говорит он под общий смех. Сталин между тем продолжал стоять на своем и предложил не позднее чем через месяц опубликовать первый список привлекаемых к суду немецких военных преступников. Все соглашались. Тем не менее многое тогда оставалось “за кадром”.

Суд над промышленниками так и не состоялся. Старика Круппа фон Болена, 75-летнего “пушечного короля”, крестного отца “Большой Берты”, обстреливавшей в годы Первой мировой войны Париж, нашли в его поместье в Австрии и после медицинского освидетельствования с участием советских врачей сочли невменяемым. А дело его сына Альфреда по настоянию англичан и, несмотря на возмущение французов, было отложено на долгий ящик. “Финансовый гений” Третьего рейха Я. Шахт, обеспечивший Гитлеру неограниченный “кредит” на Западе перед войной, несмотря на протесты советского обвинения, пользовался особым расположением западной Фемиды.

В секретных инструкциях Москвы советским обвинителям в Нюрнберге, говорилось: “Шахт – ни в коем случае не соглашаться с судьями. Надо буквально ультимативно требовать полного обвинения Шахта и применения смертной казни. Доводы: а) Шахт прямо помогал Гитлеру прийти к власти; б) он организовал финансовую поддержку фашистов, включив в это немецких капиталистов; в) Шахт организовал и осуществлял финансирование агрессии Германии против других стран; г) ссылки Шахта на якобы отход его от Гитлера и уход в оппозицию материалами дела не подтверждены и являются желаемым предположением тех, кто пытается спасти Шахта”³⁷.

Один из американских следователей на процессе Ф. Адамс свидетельствовал, что на английского судью Дж. Лоуренса сильное давление оказал специально прибывший в Нюрнберг управляющий Английским банком М. Норманн, известный “умиротворитель” гитлеровской Германии и довоенный приятель Шахта. “Мы считали, – писал Адамс, – что Норманн убедил Лоуренса: банкиры не могут быть преступниками”³⁸. В итоге Шахт был полностью оправдан и освобожден в здании суда.

Война привела в движение огромные массы людей, нарушила их привычный жизненный уклад, изломала судьбы многих из них. Многие из них оказались в лагерях для военнопленных по обе стороны фронта. Долгое время трагедия советских людей, репатриированных на родину после фашистской неволи и оказавшихся в сталинском ГУЛАГе, оставалась запретной темой. Эта тема, обрастая выдуманными и не выдуманными подробностями, занимает видное место в современном историческом дискурсе.

Ясно, что советские власти хотели сделать всё возможное, чтобы не повторять печальный послеоктябрьский опыт создания новой враждебной большевикам волны эмиграции и стремились вернуть максимальное число соотечественников домой под надзор спецслужб. Делалось это чаще всего по-сталински грубо и бесчеловечно.

В Потсдаме вопрос о скорейшем возвращении советских военнопленных домой был поставлен с советской стороны в связи с имевшимися фактами препятствования этому со стороны властей союзников. В ответ на сбивчивые объяснения Черчилля Сталин заметил в ходе восьмого заседания глав правительств: “Мы обязаны в этих случаях по договору оказывать друг другу помощь и не мешать гражданам возвращаться на родину, а наоборот, помогать им возвратиться домой”³⁹. Речь шла о соглашениях с США и Великобританией, подписанных 11 февраля 1945 г. в Ялте относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками союзников.

Судя по тону ряда памятных записок, отправленных советской стороной в адрес американской и английской делегаций в ходе Потсдамской конференции в отношении

³⁷ Архив внешней политики СССР (референтура по Германии). ф. 082, оп. 32, п. 2, д. 3, л. 9; см. также: *Борисов А.Ю.* Нюрнберг-2. О несостоявшемся суде над спонсорами нацизма. – Нюрнбергский процесс: уроки истории. М., 2007, с. 192–207.

³⁸ *Bower T.* Op. cit., p. 347. См. также: *Walden G.* How Hitler Lost a Demented Wager Made in Money, Guns and Blood. Bloomberg, 2006; *Шахт Я.* Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011.

³⁹ Берлинская конференция..., с. 189.

содержания и репатриации советских военнопленных, этот вопрос становился предметом раздора в отношениях между союзниками. В представленных документах указывалось, например, что в британском лагере в Италии из советских военнопленных в количестве 10 тыс. чел., а не 150, как первоначально сообщала британская сторона, была сформирована целая дивизия, командный состав которой был подобран из немецких офицеров. При этом выяснилось, что лица, желавшие вернуться на родину, как указывалось, “подвергались плохому обращению, вплоть до избиений”⁴⁰.

Дело осложнялось тем, что многие военнопленные и интернированные, а не только бывшие власовцы и белоэмигранты вроде атамана П.Н. Краснова, сотрудничавшие с нацистами по доброй воле или по принуждению, не проявляли желания вернуться на родину, зная, что их ждет там. Слова Сталина, сказанные в начале войны, что у нас “нет военнопленных, а есть предатели”, не забылись.

В ряде случаев союзники оказывались в непрестом положении, вынужденные, чтобы не обострять отношения с СССР и памятуя о своих собственных военнопленных в руках советских властей, передавать чуть ли не силой некоторых советских граждан, а то и целые казачьи сотни советским спецслужбам. Это была великая человеческая трагедия на заключительном этапе войны, которая напоминала о себе еще многие годы и десятилетия.

По сообщению уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова, только к 7 сентября 1945 г. западными союзниками было выдано 2 229 552 человека, а всего по итогам 1945 г., после советского дипломатического нажима в Потсдаме, освобождено и репатриировано 5 236 130 советских граждан⁴¹.

ПРОЛОГ ЯДЕРНОГО ВЕКА

Английский дипломат Г. Николсон говорил о международных конференциях, что начинают свою работу как черепахи, а заканчивают как гончие. Потсдамская конференция тоже шла к своему финалу в ускоренном и уплотненном режиме. Под одними вопросами подводилась черта, другие давали богатую пищу для размышлений на будущее. В тугой политической узел сплелись атомная проблема и решающая схватка с Японией на Дальнем Востоке, в которой предстояло принять участие и Советскому Союзу.

Среди американских политиков не было единодушия. С одной стороны, только что успешно испытанная бомба вроде бы давала им дополнительный шанс самостоятельно, без русской помощи, справиться с японцами и тем самым лишить Сталина его доли трофеев, т.е. возможности претендовать на участие в управлении побежденной Японией. Но, с другой, машина уже была запущена, и без большого скандала и риска ее трудно было остановить, да и бомбу еще не испытывали в боевых условиях. Во всяком случае, американские военные продолжали придерживаться консервативной стратегии и считали, что с учетом возможности переброски миллионной Квантунской армии из Маньчжурии на японские острова “с русскими всё-таки было надежнее, чем без русских”. К их мнению приходилось прислушиваться и Трумэну.

При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме, зная уже об успешном испытании в США нового оружия, он тем не менее по собственной инициативе поставил вопрос о вступлении СССР в войну против Японии. “Трумэн говорит, – гласит советская запись беседы, – что дела у союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась английская помощь. Но США ожидают помощи от Советского Союза. Сталин отвечает, что Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово. Трумэн выражает свое удовлетворение по этому

⁴⁰ Там же, с. 362, 428, 445.

⁴¹ См. *Цурганов Ю.* Белоэмигранты и вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010, с. 223–224.

поводу”. В тот же день Трумэн записал в своем дневнике: “Конец япошкам (japs), когда это произойдет”⁴².

Играл ли в этом военно-политическом раскладе какую-то роль фактор атомной бомбы? Если да, то скорее всего психологическую. Советская разведка дважды уведомляла Москву о сроках предстоящего испытания в Аламогордо – первый раз 13 июня и второй – 4 июля. Однако, по словам П.А. Судоплатова, “мы не предвидели, несмотря на подробные данные о завершении работ по атомной бомбе, что американцы применят ядерное оружие против Японии”⁴³. Вероятно, даже прагматики из разведки не могли себе представить, что в шаге от победы, когда судьба Японии была уже решена, американцы примут решение об использовании против нее бесчеловечного сверхоружия. Между тем еще в июне, т.е. задолго до полигонных испытаний, военными в Вашингтоне был подготовлен список из пяти японских городов, в качестве целей для нанесения атомных ударов. Древняя японская столица Киото, где когда-то военный министр Стимсон проводил свой медовый месяц, была по его распоряжению вычеркнута из списка.

Во всяком случае, Сталин перед первой встречей с Трумэном уже знал, что американцы добились большого успеха и вырвались вперед в ядерной гонке. Как отмечал участвовавший в советском “урановом проекте” С.Л. Берия, “о взрыве в пустыне под Аламогордо первого американского атомного устройства Сталин узнал – и это уже не секрет – до встречи с Трумэном. О результатах испытания, полученных американцами, Иосифу Виссарионовичу доложил лично мой отец”. Сын Берии вспоминал, что Сталин был очень недоволен, его раздражение легко понять: американцы нас опередили. В довольно резкой форме он поинтересовался, как обстоят дела у нас. Берия-старший доложил, явно приукрашивая истинное положение дел, что для завершения советского “уранового проекта” потребуется еще год-два, поскольку он находился на том уровне, который не позволял ответить на вызов американцев раньше⁴⁴.

Потсдамская конференция явилась первым сигналом для Москвы, что американцы постараются максимально ограничить советское участие в дальневосточных делах, и прежде всего в управлении послевоенной Японией. Соответствующий сигнал был дан при подготовке и подписании Потсдамской декларации с требованием безоговорочной капитуляции Японии. Формально СССР, не участвовавший в войне с Японией, мог и не подписывать эту декларацию с требованием в адрес японских милитаристов сложить оружие. Но в Москве считали, что будет правильное продемонстрировать единство с союзниками в дальневосточных делах и поэтому обратились с просьбой к американцам отложить подписание Декларации до ознакомления с ней Советского правительства. Однако США под надуманным предлогом отказались это сделать и передали текст декларации уже тогда, когда он был отправлен в прессу для публикации. Тем самым СССР был поставлен перед свершившимся фактом. Сталин был возмущен таким отношением и не преминул назвать вещи своими именами. Сообщив союзникам в ходе десятого заседания об очередной просьбе японцев к СССР о посредничестве, он сказал: “Хотя нас не информируют, как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях”.

Американскую поспешность с подписанием декларации Бирнс объяснил Молотову так после очередного заседания “большой тройки” 27 июля. “Декларация не была представлена Молотову раньше, так как Советский Союз не находится в состоянии войны с Японией и президент не хотел создавать затруднения для Советского правительства”⁴⁵. В этом по-дипломатически безукоризненном ответе заключалось копившееся всю войну раздражение американцев в отношении советской политики соблюдения строгого нейтралитета в войне на Дальнем Востоке.

⁴² Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. New York, 1980, p. 53.

⁴³ Судоплатов П.А. Указ. соч., с. 203–204.

⁴⁴ Обухов В.Г. Уран для Берии. Восточный Туркестан в Атомном проекте Кремля. М., 2010, с. 91.

⁴⁵ Берлинская конференция..., с. 218, 222.

В американском массовом сознании прочно укоренилась мысль о том, что именно бомба спасла многие человеческие жизни и решила судьбу Японии, положив конец Второй мировой войне. Парадоксально, но такого взгляда на прошлое придерживаются и японцы. Если для США это служит моральным оправданием первого и единственного случая применения атомного оружия по живым целям, то японцам позволяет считать, что они не совершили ничего позорного, капитулировав перед союзниками, ибо в тех условиях это было единственно возможным решением. Между тем истина, как известно, в деталях, особенно в их точном и последовательном изложении. В наши дни, спустя много лет после описанных событий, в солидном американском журнале “Foreign Policy” появилась статья под характерным заголовком “Не бомба победила Японию, а Сталин”⁴⁶. Ее автор У. Уилсон аргументировано доказывает, что ни угрозы со стороны Трумэна “стереть Японию в порошок”, ни ядерные бомбардировки 6 августа Хиросимы и 9 августа Нагасаки не заставили японскую военщину сложить оружие. Проследим, как проходили события, которые привели к окончанию войны на Тихом океане.

Весной и летом 1945 г. американские ВВС проводили столь же безжалостную и масштабную воздушную операцию по уничтожению японских городов, как и против немецких. Первая бомбардировка с применением обычных средств была проведена против Токио в ночь с 9 на 10 марта 1945 г. Тогда в столице Японии, городе в основном деревянном, сгорел примерно 41 кв. км городской территории, примерно 120 тыс. японцев погибли.

Всего бомбардировкам подверглись 68 городов Японии, и все они были частично или полностью разрушены. В двух случаях бомбардировок использовались атомные бомбы. Но атомная бомба с ее радиационным излучением и другими смертельными последствиями опаснее, и потому принято считать, что бомбардировка Хиросимы была куда страшнее. Но по числу мирных граждан, погибших в каждом из 68 городов в результате бомбежек летом 1945 г., Хиросима стоит на втором месте. А по площади уничтоженных городских кварталов – на четвертом. Что касается процентной доли разрушений в городах, то Хиросима окажется вообще на 17-м месте. Возникает законный вопрос: если Япония, как считается, капитулировала из-за разрушения одного города, то почему она не капитулировала, когда были уничтожены 66 других городов?

После поражения гитлеровской Германии и ее европейских союзников японская верхушка в оставшееся время очень надеялась выторговать для себя почетные условия капитуляции, но для этого важно было удержать от вступления в войну Советский Союз. На заседании Высшего совета еще в июне 1945 г. его участники пришли к выводу, что если Советы вступят в войну, “это определит судьбу империи”. Заместитель начальника штаба японской армии генерал-лейтенант Т. Кавабэ на том совещании заявил: “Поддержание мира в наших отношениях с Советским Союзом – это неременное условие продолжения войны”⁴⁷. Японцы ошибочно исходили из того, что Сталин не был заинтересован в усилении США на Дальнем Востоке и, пользуясь своим нейтральным статусом, захочет сыграть роль посредника в тихоокеанской войне, чтобы не допустить полного разгрома Японии.

Ошибочность этих расчетов стала ясна, когда 8 августа СССР вступил в войну против Японии. “Когда русские вошли в Маньчжурию, они просто смяли некогда элитную армию, и многие их части останавливались лишь тогда, когда заканчивалось горючее”, – пишет У. Уилсон. Шансов у Японии больше не оставалось. 15 августа император Хирохито объявил о капитуляции Японии. И причиной явилась, как справедливо отмечает У. Уилсон, не атомная бомба, а стремительное наступление советских войск.

Потсдамская конференция подвела черту под Второй мировой войной и обозначила исторический рубеж между войной и миром. Вместе с тем она отразила новую ситуацию, возникшую в мире в результате победы стран антигитлеровской коалиции над

---

⁴⁶ *Wilson W.* The Bomb Didn't Beat Japan... Stalin Did. Have 70 Years of Nuclear Policy been based on a Lie? – *Foreign Policy*, 29.V.2013.

⁴⁷ *Ibidem.*

блоком государств-агрессоров. Ценой миллионов человеческих жизней и колоссальных разрушений одни глобальные противоречия были разрешены, другие только начинали заявлять о себе в связи с изменением геополитической карты мира, его новым переделом и столкновением интересов между победителями во Второй мировой войне.

Как показала конференция, стороны предпочитали договариваться там, где это было возможно, проявляли еще известную терпимость и гибкость, понимание интересов друг друга и откладывали “на потом” трудные вопросы. Хотя об “атмосфере одной большой семьи”, по выражению Рузвельта в Крыму, говорить уже не приходилось, не было еще и открытой враждебности и идеологической непримиримости, ставшими отличительной чертой “холодной войны”. Видимо, именно поэтому перед расставанием с партнерами Сталин, отдавая дань традиционной союзнической вежливости, сдержанно заявил: “Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной”⁴⁸.

Трудно сказать, какие мысли в действительности переполняли кремлевского победителя, когда он, как оказалось, в последний раз в своей жизни пожимал руку Трумэну и Черчиллю в Берлине. Настроение у него не было, во всяком случае, столь же приподнятым, как в Крыму. Может быть, когда кругом царило праздничное настроение, его жестокий политический опыт и изощренный аналитический ум подсказывали, что впереди страну вновь ждут нелегкие времена, новый виток гонки вооружений и конфронтации, если не уступить давлению Запада.

Власти вновь придется “закручивать гайки”, требовать от людей идеологической “непримиримости” и дисциплины по законам жизни во враждебном “капиталистическом окружении”, чтобы нищий народ-победитель смог без передышки мобилизовать оставшиеся силы на восстановление страны и создание “атомного щита”. Все расчеты на экономическую помощь Запада не оправдались, потому что цена этой помощи оказалась слишком высока в глазах Кремля. А может быть, всё объяснялось куда проще – ему стало известно, что президент Трумэн пребывал в раздражении и в узком кругу приближенных клялся “никогда не иметь больше дело с русскими”. Кто знает, может быть, поэтому, когда Трумэн перед закрытием конференции выразил надежду на скорую новую встречу, Сталин с сомнением в голосе откликнулся: “Дай бог”.

---

⁴⁸ Берлинская конференция..., с. 300.